
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ПСИХИКЕ НОВОРОЖДЕННОГО

Аннотация. Статья посвящена реконструкции детской психики после рождения. Известно, что столь интенсивное внимание к переживаниям ребёнка характерно для английской школы психоанализа. Многие исследователи психической динамики новорожденного указывали на огромное значение тех состояний, которые переживает младенец после родов. Эти состояния лишены сентиментальности и оптимизма. Теперь все знают, что ребенок воспринимает акт рождения как процесс гибели. Об этом писал О. Ранк и более подробно исследуют современные трансперсоналисты.

Угроза смерти не оставляет младенца, когда он появляется на свет. Это связано с тем, что он покидает материнский организм и бессознательно стремится вернуться туда, где он располагал едва ли не абсолютным комфортом. Однако оказаться в материнской утробе уже невозможно, а забота родителей не может заменить прежнее существование. Рассматриваются три сценария, которые определяют дальнейшее развитие ребёнка.

Используются методы феноменологического толкования мифологии, применяются способы, позволяющие реконструировать психический мир ребёнка на основе более поздних образований. Таким образом прослеживаются возможные обнаружения детской психики, трактуется их цели и смыслы.

Новизна постановки темы связана с тем, что психическое развитие ребёнка связано с грозным всевластием смерти. Анализируется сложная диалектика противостояния инстинкта жизни и смерти в психике новорожденного, отмечается заслуга английской психоаналитической школы в изучении этих процессов.

Ключевые слова: психоанализ, психическое развитие, жизнь, смерть, инстинкт, предэдипальный комплекс, нарциссизм, психоз, параноидальный комплекс, сексуальность.

Представители английской школы психоанализа обратили особое внимание на первые дни рождённого ребёнка. Основатели этого европейского направления полагали, что ключ к психической жизни детей лучше всего связывать с тем возрастом, когда у мальчиков и девочек «просыпается» генитальная чувственность. После 2,5–3 лет ребёнок получает эротический сигнал в голову и гениталии. Так начинается пробуждаться зрелая сексуальность. В этом возрасте дети начинают интересоваться, откуда берутся дети, как они появляются на свет. Формируется гендерная идентичность. Мальчик отказывается носить одежду девочек. Девочка хочет быть похожей на маму. Такой возраст называется еще и Эдиповым. Дело в том, что герой древнегреческого мифа Эдип женился на своей матери. Трехлетние, четырехлетние мальчики тоже часто говорят своей маме о том, что хотят на ней жениться. Девочки

зачастую рассуждают о том, что их мама совершенно не подходит родному папе. Они мечтают: «вот если бы я была женой папы...». Для анализа психологического развития Фрейд считал этот возраст ключевым. Ребёнок оказывается в любовном треугольнике: он и его родители. От того, как разрешается этот конфликт, зависят и психологические особенности взрослого человека.

Однако представители английской психоаналитической школы сочли, что изучение психического мира ребёнка надо начинать не с эдипального возраста, а с момента его рождения, а точнее еще с того времени, когда он находится в материнском чреве. Здесь формируется, как они считали, инстинкт смерти. Каждый из нас уже когда-то умирал, был на волосок от гибели. Дело в том, что рождение сформировавшийся эмбрион воспринимает как акт смерти. Он жил в материнском организме, который вдруг его выталкивает.

Психика ребёнка начинает формироваться во второй половине беременности. Поэтому возникает и первое представление о смерти. Малыш не хочет рождаться. Он плачет, пытается ручонками удержаться в материнском лоне. Но всё напрасно — ребёнок появляется на свет.

Можно ли сомневаться в том, что страх смерти закрепляется в психике ребёнка? Он имеет все основания считать, что опасность связана с материнским организмом. Новорождённый по-прежнему не хочет быть убитым своей матерью. Он тянется к материнскому телу, ищет в нем прежнюю опору и в то же время испытывает страх умереть. От того, как ребёнок справится с этой угрозой, зависит и его последующее поведение. Здесь формируется тот тип реакций, которые станут для этого человека специфическими, характерными.

После рождения ребёнок стремится преодолеть страх смерти. Постепенно овладевая психическими функциями, он всё более укореняется в пространстве жизни. Согласно З. Фрейду, ему предстоит пройти различные стадии психосексуального развития — оральную, анальную, фаллическую. Особую роль в преодолении страха смерти играет развивающийся первичный нарциссизм. Именно он укрепляет инстинкт самосохранения, который постепенно преобразуется в ощущение собственного существования, формирует Я, внутреннюю психическую жизнь, стойкость Эго, т.е. сознательной части психики. Но всё же, обращаясь к анализу феномена нарциссизма, психоаналитик должен знать, что за ним маячит инстинкт смерти.

Неофрейдисты, представители обновленного психоанализа, в том числе К. Хорни, Э. Эриксон, ввели в детскую психологию понятия базового доверия или недоверия к миру. Всё зависит от того, как ребёнка встречает социальное окружение. Если он попадает в атмосферу любви, заботы, нежности, он решает, что жить вообще стоит и угроза смерти отступает. Но если его ждут неприятные впечатления, которые укрепляют чувство заброшенности, ненужности, нежелательности, в психике ребёнка складывается базовое недоверие к миру. В предельном варианте оно и ведет к ранней смерти или к закреплению суицидальных устремлений.

Возникает вопрос: что исследователям дает право утверждать, что именно такие психические процессы присущи ребёнку в первые месяцы его рождения? Может ли он воспринимать жизнь в тех же понятиях, что и взрослый? Ведь у него ещё нет пробуждённого сознания. Так каким же образом

мы получаем представление о том, что ребёнок способен выбирать, оценивать варианты поведения, выстраивать жизненные сценарии? Нет ли здесь неправомерного перенесения законов сознательной жизни на неокрепшую психику малыша, психические процессы которого связаны с бессознательным, автоматическим состоянием ребёнка?

Разумеется, речь идет всего лишь о стремлении каким-то образом реконструировать психическую жизнь новорожденного. «Мысль новорожденного» — это нечто иное, как некий гипотетический конструкт. Психоаналитики пользуются, к примеру, понятием «психическая энергия». Само собой разумеется, что это условное понятие. Психическую энергию мы не можем измерить с той же дотошностью, как, допустим, энергию физическую. Однако есть все основания рассуждать о психических процессах и устремлениях, их силе и неодолимости. В той же мере можно поставить вопрос таким образом: когда ребёнок становится старше, он действительно начинает рассуждать, оценивать, сознательно воспринимать реальность. Стало быть, мысль возникает не на пустом месте, не является нивесть откуда. Вероятно, раньше самой мысли рождается её некое предвестие, смутное бессознательное ощущение. Вот оно-то и позволяет понять, почему тот или иной малыш умер, хотя никакой физиологической причины врачи не обнаружили. Вероятно, можно разглядеть, по крайней мере, причину психическую. Тем более что в мифах такие состояния отражаются в виде кристаллизации бессознательного. В этом случае мы имеем дело с некими событиями, их динамикой, их развязкой.

Психика ребёнка не одновалентна. Она расщеплена, в ней угадываются разные, противоречивые состояния. Наслаждение жизнью перекрываются мучительными горестными переживаниями, вызывающими плач, страх. Неспособность психики разрешить эти психические коллизии ведёт к хаосу. Но что такое хаос на символическом уровне? Это смерть. Угроза физической смерти разворачивается на психическом фоне. Новорождённому нужно преодолеть те трудности, которые разрушают ощущение комфорта, радости, удовольствия. Ребёнку хочется продлить состояния наслаждения. Но реальность предлагает иные дискомфортные ситуации. Он плачет, зовёт маму, но она не слышит, не спешит к нему, не откликается на его зов. Способен ли малыш понять, что мама занята какими-то делами, отсутствует по уважительной причине

и наверняка скоро вернется? Понятно, что нет. Её уход он воспринимает едва ли не трагически. Вот он беспомощный лежит и плачет. Но его усилия никому неизвестны. Вокруг тишина, а он в ней один, брошенный, ненужный.

Ребёнку не так просто приспособиться к условиям, которые он застаёт вне тела матери. Ему приходится привыкнуть к новым чередованиям сна и бодрствования, кормлению по часам, которое не всегда совпадает с ощущением голода. Во втором полугодии в нём пробуждается агрессия, вызванная появлением зубов. Ему предстоит обуздать эту агрессию, научиться умирять её. Ведь покусывание материнской груди вызывает наказание в виде далеко не всегда адекватной реакции матери. Она недовольна, может прикрикнуть, отшатнуться от ребёнка. Это один из кризисов психического развития.

Ребёнок привык к тому, что все его физические отправления реализуются через материнский организм. Но вот наступила фаза сепарации. К ней нужно адаптироваться, ребёнку некомфортно в мокрых пелёнках, но родители не всегда успевают прийти на помощь. Всегда ли родители готовы заботиться о новорождённом, чувствуют ли любовь к нему, обладают ли умением выполнять новые для них социальные функции? Но чадо не разбирается в этих тонкостях. Мама для него — синоним любви и жертвенности. А любое разрушение этого образа вызывает мучительные эмоции.

Известный психоаналитик Р. Шпиц доказал, что ребёнок не может развиваться, овладевать психическими процессами, если он не ощущает любви матери. Жизнь уже поманила ребёнка, он входит во вкус её обнаружений. Но можно ли стерпеть, если эти ожидания оказываются обманом? Для ребёнка, не способного ещё рассуждать, оценивать, справляться с невзгодами, это непосильно. Его детский нарциссизм постепенно заменится взрослым осознанием того, с чем ему приходится иметь дело. Ему предстоит принять неизбежное огорчение: не все потребности, импульсы, идущие из бессознательного Оно, могут быть удовлетворены. Жизнь не ложится под наши безудержные желания. Может быть, надо стремиться потешить ребёнка, угадать его желания и оперативно откликнуться на них. Однако Р. Шпиц показывает, что потакание проявленным потребностям, избалованность, готовность не отходить от малыша, обеспечивая скорую помощь, только задержат развитие ребёнка. Это станет ещё большей травмой,

нежели ситуации фрустрации (т.е. разочарования, неисполнения желаний). Фрустрирование, как и избалованность опасны¹.

Родителям, после того как ребёнок появился на свет, нужно ещё «родить его психически». Но это не является только их пожеланием. Сам новорожденный стремится к этому, это зов инстинкта жизни. Устремление к цели едва ли не прирожденно ребёнку, как и инстинкт жизни. В инстинкте прячется логика цели. Если же она отсутствует, то её замещает психический хаос. Представим на минуту, что телёнок тянется к вымени коровы, которая его родила, но вымени нет. Что это как не распад причинно-следственных связей? Психика не способна выдержать такие испытания. Так возникает психоз, а в предельном варианте и смерть.

Американский психоаналитик Х. Кохут выделяет две наиболее фундаментальные сущности человека:

- 1) потребность в организации, структурировании психики в связную систему Самости;
- 2) потребность в подкрепляющих взаимосвязях Это с внешним миром, побуждающих и усиливающих энергетическую мощь, а также удерживающих в постоянном виде структурную связанность и сбалансированную гармоничность составляющих элементов Самости².

Если выражать мысль упрощенно, то можно различать две базальных потребности. Первая из них — обнаружение жизненной структуры. Иначе говоря, знакомство с тем, что собой представляет для ребёнка реальность, связанная с его послеродовым существованием. Если эта структура становится знакомой, привычной, то нужно её освоить и постоянно поддерживать, добиваться её функционирования. Это и есть вторая базовая потребность. Она-то и обуславливает «логику цели». Если представить себе некую структуру, которая не действует, не функционирует, то нелепо рассуждать о «логике цели». Некая устремленность возникает только в том случае, если структура начинает действовать, обнаруживать себя в динамике. Постановка вопроса «зачем?» на любом психическом уровне обуславливает цель. Он оказывается одним из самых фундаментальных, поскольку в нем неразъёмны жизнь и смерть.

¹ См.: Шпиц Р. Психоанализ раннего детского возраста. М.: СПб., 2001.

² Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М., 2003.

Рассмотрим три возможных сценария.

Рождённый ребёнок привык к тому, что он — часть материнского организма. Но мама не всегда рядом. Он ушла по своим делам, а малышу кажется, что он брошен, обречён на смерть. На языке взрослого человека это можно пересказать так: «Зачем мама меня родила, а теперь хочет, чтобы я умер?». Не в силах вынести тяжести этого вопроса, ребёнок умирает на самом деле. Вскрытие показывает, что никаких заболеваний, физиологических отклонений у него не было. Он умер от ожидания смерти.

Второй сценарий. Ребёнок задаётся тем же вопросом. Однако он не хочет умирать. Остаться в живых можно, но только это не снимает горечь ситуации. Хочется жаловаться, ныть, влачить безрадостное существование. Так начинает формироваться мазохистский характер. Носитель этой структуры тоже заражён инстинктом смерти. Он по сути дела сжигает себя, гнобит, изводит и даже находит удовольствие от этого состояния. Наслаждение и боль — вот парадоксальная смесь в характере мазохиста.

Эту позицию английская исследовательница Мелани Кляйн называет шизоидно-параноидной³. В основе этой ситуации лежит своеобразное расщепление психики. «Зачем мама меня рожала, если хочет убить?». Страх смерти настолько значителен, что без психического разлада не обойтись. Возникает опасность психоза. Если инстинкт смерти обладает большей силой, нежели желание жить, то со временем возникают признаки психоза, который осмысливается в клиническом и психоаналитическом ракурсе. Но если инстинкт жизни обнаруживает стойкость, то у ребенка рождается желание примыслить, найти некое оправдание сложившейся ситуации. Характер поиска ответа можно реконструировать примерно так: «Если я появился на свет, значит, родителям это было нужно. У них были какие-то, непонятные для меня цели. Однако у меня тоже есть цель. Я хочу любви и заботы. Но кто может обеспечить эти мои потребности? Судя по всему, тот, кто меня любит. Если это не родители, то, возможно, я сам должен любить себя». Здесь можно допустить феномен нарциссизма. Самовлюбленность защищает ребёнка от инстинкта смерти. Такое обнаружение психического ответа вполне логично. Либи́до, не принятое родителями, направляется на самого себя. Так, нелогичность, непоследовательность поведения родителей при-

носит душевное облегчение. Несоединимое обретает некую цель. Инстинкт жизни получает определенную опору.

Но можно ли считать, что такой исход свидетельствует о нормальном психическом развитии ребёнка? Нет, анализируя поведение беспризорных людей, мы видим пунктирное Эго, то есть самосознание, которое заметно уже у взрослых. «Мама, роди меня обратно», — многие беспризорники даже делают такие наколки. «Ах, зачем ты меня родила?» — это можно услышать в душещипательных песнях.

Просматривается и такая ситуация, когда Супер-Эго как психическая инстанция, отражающая социальное программирование, родительские наставления не получает опоры. Оно развивается слабо. Адекватность психического развития в этом случае нарушена. Ведь родители не стали для ребёнка идеалом, способным вызвать желание подражать им. Они отказали ему в любви, в защите от угрозы смерти. Если искать подтверждение этих экспертиз, лучше всего обратиться к мифологии. Миф является конденсированием бессознательных установок. В древнегреческом мифе о Нарциссе выражена эта психологическая правда. Юноша, увидев свое отражение в зеркальной глади, влюбляется в свой образ, но не может воссоединиться с ним. Слияние Нарцисса со своим двойником, проступающим в озере, невозможно. Нарцисс погибает, потому что не может примириться с тем, что случилось. «Родители меня родили, но не хотят соединиться со мной в жизни (эмоционально слиться в симбиозе), а без этого я не могу жить».

В чём правда этого мифа в трактовке Фрейда? Нарциссическая защита хрупка, болезненна. Она не может полностью защитить ребёнка. По крайней мере, можно понять, зачем самовлюбленность нужна индивиду. Его можно оценивать как архаичный вариант инстинкта жизни. Если психическое развитие подчиняется норме, то направленность либидозной энергии на самого себя постепенно преодолевается. Ребёнок может научиться и объектной любви, т.е. направить свое либи́до на другого человека. Но если этот процесс затягивается, то инстинкт смерти побеждает инстинкт жизни.

Что же такое нарциссизм по определению? Это стремление ребёнка вернуться с той стадии развития, когда он был в материнской утробе. В его психической динамике это скорее регресс, чем

³ Кляйн М. Зависть и благодарность. СПб., 1997.

прогресс. Нарциссизм можно наблюдать у каждого человека в большей или меньшей степени. Он может вызвать базовое доверие к жизни. Разумеется, угроза смерти сохраняет свою силу, но побеждает всё же жизнь, а не влечение к гибели.

Характеризуя миф об Эдипе, Фрейд коснулся темы отцеубийства. Ведь Эдип убил своего отца. Однако в английской психоаналитической школе появилась еще одна тема — детоубийство. Обстоятельства способны погубить младенца, угроза смерти маячит непрерывно. Она и определяет фон, на котором разворачивается психическое развитие ребёнка. Но правы ли английские психоаналитики? Разве новорожденный не обнаруживает оптимизма? О чём же свидетельствуют его улыбки, его лучащиеся глаза? Оправдано ли усматривать в поведении младенца тень смертельного исхода?

Психоаналитики считают, что феномен детоубийства из-за своей стойкости перестаёт замечаться. Тревожная травматичность вытесняется в глубины психики. Малыш буквально цепляется за каждую возможность укрепиться в жизни. При этом нарциссизм выполняет сложные функции. Логика нарциссизма связана с метафорическим убийством отца или матери. В предельном варианте этот феномен выражает торжество над родителями. Если он наблюдается, значит детское Эго обнаруживает потенциальные возможности психического развития. Торжествует инстинкт жизни. Ребёнок привыкает к триадным отношениям — он и родители. Стремление ребёнка к регрессу утрачивается. Он привыкает к наметавшейся автономии, к индивидуации. Этот процесс психоаналитики толкуют как метафорическое убийство фаллической матери. Кому-то это может показаться странным. Но ведь психический процесс действительно можно трактовать в категориях жизни и смерти. Поднимаясь на иной уровень психического развития, ребёнок символически умирает в прежнем состоянии и возрождается в новом качестве. Представьте себе взрослого человека, который сохраняет в себе черты инфантила. Это означает, что он не сумел «убить» в себе изначальную стадию, в которой в известном смысле всё ещё пребывает.

Английские психоаналитики расширили понятие «убийства». Сын «убивает» отца в эдипальной стадии развития. Но тогда можно в тех же терминах описать и доэдипальное состояние ребёнка, т.е. его жизнь до 2-2,5 лет. Он, выражаясь метафорически, «убивает» свою мать в том варианте, когда она была всемогущей, всеопекающей. Эти

самостоятельные поступки не могут не вызвать чувство вины. Оно рождает укрепление Супер-Эго. Способность к освобождению от материнской опеки, знаменует преодоление своей беспомощности. Процесс сепарации (отделения) выражает «убийство» той матери, с которой ребёнок был слит симбиотически.

На каждой стадии развития происходит наращивание новых качеств, которые знаменуют расставание с прежними психическими процессами. Однако ещё раз поставим вопрос: нельзя ли трактовать психическое развитие ребёнка, не прибегая к погубительной стилистике? Не проще ли оценивать динамику роста в терминах жизни, любви, заботы? Известно, что Фрейд шёл этим путем в начале своей исследовательской деятельности. Он стремился объяснить психические процессы через понятие либидо, через инстинкт жизни, преобразования. Но вскоре выяснилось, что такой трактовки недостаточно. Так в психоанализ вошёл еще один базовый инстинкт, который Фрейд обозначил именем Танатоса — бога смерти. Родившись, ребёнок не может опереться только на голос жизни. Угроза смерти постоянно и властно заявляет о себе. Это означает, что структурный элемент психики, называемый сексуальностью, может функционировать и в русле инстинкта жизни (размножение, появление потомства) и в русле инстинкта смерти (безудержность и девиации сексуальности ведут к невозможности воспроизведения потомства)⁴.

Третий сценарий. Мама меня родила, а теперь хочет убить. Разве это можно осмыслить, оправдать? Нет, невозможно. В то же время смерть не наступает, а угроза её остается. Возникает странный разлад в душе ребёнка. Оказывается, жить можно и в ситуации полного раскогласования, душевной неприкаянности. Чадо продолжает жить, но свыкается с данным абсурдом. Животное руководствуется инстинктом. Вот медведь съёт лапу в пчелиное дупло. Разве он рассчитывает на то, что натолкнется там на футбольный мяч? Нет, он жаждет мёда. Но у человека есть сознание. Поэтому в случае невероятной состыковки, неожиданности, он вступает в царство абсурда. Однако нелепость уже не так страшна, не грозит смертью. Люди живут в мире, где немало странностей. Человек есть единственное существо на свете, которое способно жить в ситуации абсурда.

⁴ См.: Ромашкевич М.В. Детоубийство и нарциссизм // Российский психоаналитический вестник. 1994. № 3–4. С. 39–51.

Как бы то ни было, при всех сценариях ребёнка не утрачивает страха смерти. Вполне понятно, что погружённость в этот инстинкт усиливается, если психическое состояние плода нарушено какими-то патологиями. В этом случае

эмбрион, находясь в материнской утробе, чувствует себя некомфортно, гомеостатическое состояние плода оказывается нарушенным. Само собой понятно, что это также усиливает голос «инстинкта смерти».

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 1. Фрейдизм и неопрейдизм. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 2013.
2. Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 2. Современная глубинная психология. 2-ое изд., перераб. и доп. М., 2013.
3. Кляйн М. Зависть и благодарность. СПб., 1997.
4. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М., 2003.
5. Ромашкевич М.В. Детоубийство и нарциссизм // Российский психоаналитический вестник. 1994. № 3–4. С. 39–51.
6. Спирова Э.М. Символика жизни и смерти // Психология и психотехника. 2010. № 5. С. 75–82.
7. Шпиц Р. Психоанализ раннего детского возраста. М.; СПб., 2001.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Psikhoanaliz. T. 1. Freidizm i neofreidizm. 2-oe izd., pererab. i dop. M., 2013.
2. Gurevich P.S. Psikhoanaliz. T. 2. Sovremennaya glubinnaya psikhologiya. 2-oe izd., pererab. i dop. M., 2013.
3. Klyain M. Zavist' i blagodarnost'. SPb., 1997.
4. Kokhut Kh. Analiz samosti: Sistematicheskii podkhod k lecheniyu nartsissicheskikh narushenii lichnosti. M., 2003.
5. Romashkevich M.V. Detoubiistvo i nartsissizm // Rossiiskii psikhoanaliticheskii vestnik. 1994. № 3–4. S. 39–51.
6. Spirova E.M. Simvolika zhizni i smerti // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2010. № 5. С. 75-82.
7. Shpits R. Psikhoanaliz rannego detskogo vozrasta. M.; SPb., 2001.

Редакция журнала поздравляет главного редактора, профессора Павла Семёновича Гуревича с награждением его медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии».